

Озорной детектив

Елена Логанова

ПОДАРОК
ВСЕМ
ЧИТАТЕЛЯМ!
Тест от автора
«Какая ты
ночью»

«Молилась
ли ты
на ночь?»

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Молилась ли ты на ночь?

«ЭКСМО»

2006

Логунова Е. И.

Молилась ли ты на ночь? / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2006 — (Индия Кузнецова)

Сотрудница рекламного агентства Индия была в шоке: ее пригласили организовать вечеринку, а встретили как девушку по вызову! Оказывается, кто-то приделал к чужому голому телу ее фото, поместил все это безобразие на визитку и пустил в народ, не забыв указать телефончик. И вот любители интимных радостей не замедлили объявиться! Спасла Индию верная подруга Алка. А на следующий день позвонил несостоявшийся клиент и потребовал вернуть ценнейшего нефритового слона, якобы украденного ночной бабочкой. Теперь бы разобраться, что это: дурацкий розыгрыш или хитроумная подстава?...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Елена Логунова

Молилась ли ты на ночь?

Глава 1

Поклонник был не мой, а Томочкин, но это не делало его менее привлекательным. Наоборот!

Для разнообразия было даже приятно, что молодой здоровый мужчина не тянется потеющими руками к моим коленкам, не облизывается на мою новую губную помаду и взгляд его не влипает в глубину моего декольте, как муха, испытывавшая приступ головокружения над банкой с вареньем. Юрий Павлович Куконин вел себя как джентльмен, и причин, объясняющих его благородное поведение, я видела две.

Во-первых, Юрий Павлович сидел рядом со мной не где-нибудь, а в его собственном автомобиле, который стремительно летел в потоке машин по главной городской магистрали. Таким образом, его внимание было занято главным образом процессом вождения, а руки – рулем. При этом у Юрия Павловича не было неотложной необходимости то и дело шерудить правой рукой в опасной близости от моих коленок, рискуя перепутать их с ручкой переключения скоростей – а соблазн этот для водителей автомобилей с механической коробкой настолько велик, что в машинах отечественного производства я стараюсь занять место на заднем диванчике. Как говорят гаишники – во избежание создания аварийной ситуации. Однако в данном случае я ехала в потрясающей новой иномарке, где не только коробка передач, но и вообще все, что можно, имело автоматическое управление. По-моему, даже крышечку пепельницы конструкторы оснастили электроподъемником!

Второй причиной, делающей мое пребывание в непосредственной близости от молодого энергичного мужчины вполне безопасным, была экстремальная влюбленность Юрия Павловича в Томочку Крылову. У нас в агентстве все знали, что Куконин втрескался в секретаршу Томочку по самые брови, а это, помимо прочего, говорило о том, что я не в его вкусе. У нас с Томочкой общее только одно – место работы, а так мы с ней похожи не больше, чем фламинго и колибри. То есть обе мы очень хороши, но каждая по-своему.

Если говорить подробнее, то я высокая стройная девушка с развитыми формами и не менее развитым интеллектом, а Томочка – типичный клон крошки-Дюймовочки, умственным развитием которой занимались лягушки, мыши и кроты. Да простят меня поклонники творчества Ганса Христиана Андерсена, но я искренне считаю миниатюрную красавицу, вылупившуюся из тюльпана, недалекой особой, которая малодушно плывет по воле волн и лишь в самом крайнем случае проявляет сообразительность и отвагу.

Такая позиция хороша во времена благородных рыцарей, но современная женщина должна быть мужественной. Томочка же – воплощенная женственность в ее кукольном варианте, такой прелестный пупсик с золотыми локонами, огромными синими глазами и розовым ротиком, похожим на нерасцветший бутон, застигнутый осенними заморозками. Росту в нашей очаровательной секретарше всего сто сорок четыре сантиметра. Это на десять смэ меньше, чем в мраморной Венере из Милоса, которая рядом с Томочкой показалась бы громоздкой бабищей.

Надо признать, мужчинам Томочка очень нравится, если не всем подряд, то очень многим. Подозреваю, что директор нашего рекламного агентства Михаил Брониславич Савицкий взял Томочку на зарплату именно поэтому. У нас в конторе не так много работы, чтобы добавлять к трем имеющимся штатным единицам четвертую. В офисе и без Томочки было тесновато, даже столов на всех не хватало. К тому же наша крошка-секретарша отнюдь не блещет

интеллектом, но она и глупости изрекает с таким очаровательным видом, хлопая длинными ресницами и мило надувая губки, что это многих подкупает. Даже меня! Признаюсь, от созерцания столь чистого, незамутненного типа прелестной дурочки я впадаю в такой восторг, что начинаю подыгрывать и подражать: тоже тарашу глазки, надуваю губки, сюсюкаю и называю всех вокруг котиками, солнышками и зайками. Томочка, простая душа, считает меня подружкой и с удовольствием делится дареными шоколадками и своими маленькими девичьими секретами.

Томочкины секреты, как правило, касаются реакции на нее новых клиентов агентства. Наш шеф велеречиво называет эту реакцию «экзистенциальный катарсис», хотя, на мой взгляд, это никакое не особое духовное просветление, наоборот, типичное помрачение рассудка. Сколько раз в состоянии упомянутого катарсиса впечатлительные клиенты агентства «МБС» подмахивали, не глядя, счета, которые выбросили бы в мусорку, если бы их не подала им своими нежными ручками златокудрая фея Томочка!

Впрочем, с Юрием Павловичем я своими соображениями не делилась. Дискредитировать Томочку в глазах господина Куконина было бы с моей стороны не просто свинством, а самой черной неблагодарностью. Час назад Бронич досрочно выдал мне очередную зарплату как раз из тех немереных денег, которые заплатил за рекламу влюбленный Юрий Павлович. Я такого счастья раньше следующей недели не ждала и страшно обрадовалась. Мне как раз очень нужны были деньги, потому что моя подружка Алка Трошкина наконец-то после долгих уговоров согласилась продать мне свою совершенно потрясающую сумку из натуральной кенгуриной шкуры с застежкой из настоящих опалов. Сумку, на которую я засматривалась уже с полгода, Трошкина привезла из Австралии, найти вторую такую же в наших широтах было невозможно, и надо было поторопиться с покупкой, пока Алка не передумала.

Шеф, кстати, тоже вполне мог передумать и перенести выдачу зарплаты на более поздний срок. Очевидно, такая коварная мысль Бронича посетила, потому что он крепко сжал в руке денежные купюры, которые я уже считала своими, и нахмурился. Я угадала, что в следующий момент шеф попытается подвести философскую базу под возмутительное нежелание расставаться с деньгами, и не ошиблась. Бронич свел брови в одну лохматую линию и вкрадчиво спросил:

– А вот скажи мне, Инночка, кто должен следить за обновлением нашего сайтика?

Я осторожно высвободила из стиснутого кулака шефа денежные купюры. Чтобы Бронич не так болезненно ощутил их потерю, я с чувством потрясла его опустевшую руку и проникновенно сказала:

– Спасибо, Михаил Брониславич! Спасибо вам за то, что вы помните не только об обязанностях своих сотрудников, но и об их нуждах! А сайтик я дома обновлю, не сомневайтесь!

– Ты уже уходить собралась? – Шеф нахмурился пуще прежнего.

Я хлопнула ресничками а-ля Томочка:

– Да, а что?

Мы люди творческие, и рабочий день в нашей конторе всегда был ненормированным. Шеф нас особенно не цукает, и мы с девчонками строго придерживаемся неписаного правила: есть работа – мы делаем ее, нет работы – мы делаем ноги.

– Сейчас к нам приедет господин Куконин, тебе нужно будет показать ему печатные образцы буклетиков, чтобы он принял окончательный вариант, – сообщил шеф.

– А я-то тут при чем? – удивилась я. – Куконина пусть Томочка охмуряет, он у нее за милую душу примет все, что угодно, хоть образцы буклетиков, хоть яд кураре!

– К несчастью, Томочка не может! – Шеф нервно забегал по кабинету.

Тут только я поняла, что он чем-то расстроен.

– Томочка попала в больницу! – сообщил Бронич, остановившись для того, чтобы гневно топнуть ногой. – Какое безобразие! Вот скажи мне, Инночка, кто должен очищать крыши от снега?

– Что, тоже я?!

Такого необычного задания я никак не ожидала.

– А при чем тут ты? – Шеф удивился, потом задумался и вдруг просветлел челом:

– А и верно! Хорошо придумано! Пошлю-ка я тебя!

Я мигом представила себя на заваленной снегом крыше офисной пятиэтажки в дворническом фартуке, с совковой лопатой в руках и обиженно сказала:

– Полегче, шеф! Я ведь тоже могу послать!

– Что? – Бронич, похоже, моей последней хамской фразы не услышал. – Инночка, присядь, я поставлю перед тобой задачку.

– На крышу не полезу! – предупредила я.

– На какую крышу? Я тебя в больницу отправлю, – сказал шеф.

– С чего это? Я вполне здорова!

– Именно поэтому!

Повеселевший Бронич с трудом протиснул свой упитанный зад между ручками офисного кресла, опустился на мягкое сиденье и по неистребимой детской привычке начал крутиться из стороны в сторону, бумкая ботинками о тумбу стола.

– Шеф! – позвала я. – Вы опять?

– Ах, прости, забыл! – Он сразу перестал вращаться.

Мы с девчонками поклялись отучить директора от вредной привычки использовать свое посадочное место как карусельку, после того как он умудрился намотать на ножку кресла телефонный шнур, оборвал его и потом полдня бегал по конторе, безвинно чествуя на все корки телефонную компанию и нас заодно.

– Слушай, какая история, – сказал шеф.

Я сложила ручки на коленках и приготовилась слушать.

Оказывается, сегодня утром Бронич послал Томочку в банк: у шефа кончилась наличность. А Томочка не только не справилась с делами, но еще умудрилась на подступах к банку получить травму, которую вполне можно было считать производственной – раз секретарша в этот момент находилась при исполнении служебных обязанностей. Наша крошка-Дюймовочка попала под небольшую снежную лавину, которая сошла с нечищенной крыши банковского здания. Ее не засыпало, но легкое сотрясение мозга она все-таки получила. Это выяснилось в больнице, куда травмированную красавицу с ветерком домчал какой-то свидетель данного происшествия. Очевидно, наша секретарша пережила шок, а свидетель – пресловутый экзистенциальный катарсис, потому что сама Томочка сообщить Броничу о ЧП не сообразила, а вот добрый человек не поленился разузнать наш служебный телефон и позвонить.

– Кто-нибудь должен съездить к Томочке и забрать у нее банковские документки, – сказал шеф. – А заодно навестить больную и все такое прочее... Апельсинчиков ей отвезти, что ли...

– Лучше денежек, – вкрадчиво посоветовала я. – Раз уж у нас сегодня день зарплатки.

По омрачившемуся лицу шефа было видно, что он не планировал распространять день зарплаты на весь трудовой коллектив, но деваться было некуда.

– Ладно, отвезешь Томочке денежек, – Бронич выиграл трудный поединок с не красящей его жадностью. – Заберешь у нее документки, а потом с ними сгоняешь в банк.

– Только на общественном транспорте я гонять не буду. Сами видите, что творится: трамвайчики к рельсам примерзают, троллейбусики в сугробах застревают, – напомнила я, потыкав пальцем в окно.

Оно представляло собой вставленную в современную алюминиевую раму картину «Зимняя сказка», но сказка эта была страшной, как те истории, которые сочиняет моя дорогая мамуля – знаменитая писательница, автор мистических ужастиков.

До середины декабря стояла нормальная для нашего южного края теплая погода, столбик термометра не опускался ниже плюс двенадцати градусов, но на прошлой неделе он упал, как подкошенный, в жуткие минуса. Город завалило снегом и заморозило, причем первыми, как водится, в глубокий анабиоз погрузились коммунальные службы. Начались проблемы с отоплением и транспортом. Неожиданно суровая для нашего региона зима радовала только нерадивых школьников, которые получили уважительную причину для пропуска занятий.

– Организуйте мне доставку, – попросила я.

Шеф призадумался. Служебного транспорта у нас нет, а финансировать мою поездку на такси Броничу откровенно не хотелось. Он уже начал говорить что-то о том, как полезны пешеходные прогулки на свежем морозном воздухе, и тут на мое счастье приехал Юрий Павлович Куконин.

Узнав о чрезвычайном происшествии с нашей секретаршей, он ужасно разволновался и в непечатных выражениях отказался терять время на просмотр печатных образцов, когда Томочка лежит в больнице, бедняжка, одна-одинешенька.

Моя коллега Зоя Липовецкая попыталась довести до затуманенного беспокойством сознания Куконина тот факт, что в травматологическом отделении городской больницы нынче полный аншлаг и Томочке там не скучно: компания большая. Зойка даже прочитала вслух опубликованную в городской газете заметку под названием «Холодная зима – горячая пора для травматологов», но Юрий Павлович, как заведенный, повторял одно: Томочка лежит там одна, лежит одна...

Наконец мы смекнули, что господин Куконин подсознательно жаждет разделить с Томочкой больничное ложе, и тогда все устроилось наилучшим образом. Шеф попросил Юрия Павловича отвезти меня в больницу к Томочке, чтобы передать пострадавшей апельсины, зарплату и наш общий привет, и господин Куконин с восторгом согласился.

И вот теперь мы с риском для жизни мчались по ледовому катку, в который превратилась транспортная артерия, держа курс на больницу. Мне очень хотелось верить, что мы попадем туда в качестве посетителей, а не пациентов. Кто как, а я вовсе не рвалась составить компанию травмированной Томочке!

Разговоров в дороге мы не вели, и я от нечего делать украдкой рассматривала Томочкиного поклонника. Юрий Павлович был очень даже ничего, только ростом маловат – по моим меркам, конечно. Рядом с ней он сошел бы за Гулливера.

Господин Куконин производил впечатление состоятельного человека, который свободно может позволить себе прикуривать от сторублевых купюр, просто не опускается до таких пошлых жестов. Юрий Павлович был дорого и со вкусом одет, отлично подстрижен, гладко выбрит и слегка надушен. Я-то сама не люблю лощеных мужчинок, на мой взгляд, между ними и симпатичными мне мачо разница примерно такая же, как между пиджаком из леопардовой шкуры и живым леопардом. Но Куконин изначально, до того, как его испортили деньги, явно был неплохой фактурой, так что даже пиджак из него получился симпатичный.

Обручального кольца на пальце у Юрия Павловича не было, и это должно было порадовать Томочку. Она уже не раз доверительно жаловалась мне, что ей надоело быть эмансипированной девушкой, самостоятельно зарабатывающей себе на «Орбит» без сахара и колготки со стрелками. То есть Томочка говорила об этом иначе, проще и яснее, примерно так: «Хочу богатого котика!» Хотя господин Куконин не канал за леопарда, он вполне мог сойти за породистого представителя семейства домашних кошачьих – за британца, например. Щечки у Юрия Павловича были подходящие, хотя темперамент его отличал отнюдь не англосаксонский. Как он распереживался, узнав, что Томочка попала под снежный обвал!

Очевидно, волнение влюбленного Куконина за время пути не улеглось, потому что в подъезд больницы он влетел, как мячик для гольфа в свободную лунку. Даже машину запер уже на бегу, с расстояния в несколько метров, благо дрессированная иномарка реагировала на команды с брелочка-пульта. Сам Юрий Павлович ни на какие внешние раздражители не реагировал, даже мой вежливый окрик пропустил мимо ушей.

– Юрий Павлович, вы мне не поможете? – с нажимом спросила я в спину бегущего, как стайер, Куконина.

И безо всякого ответа поняла, что не поможет. Юрий Павлович рванул на третий этаж по лестнице, даже не заметив гостеприимно открытые двери лифта.

Сгибаясь под тяжестью авоськи с апельсинами, я вошла в кабину и прибыла в травматологию немного раньше Куконина, совершающего забег по ступенькам.

– Привет, Томчик! – сказала я, войдя в палату, тесно заставленную допотопными кроватями с панцирными сетками.

На одном из таких сооружений полулежа-полусидя помещалась наша Томочка. Глубоко продавленная сетка кровати провисала, как гамак, и разглядеть прячущуюся в подушках миниатюрную девушку представлялось возможным лишь потому, что больничные подушки были плоскими, как блинчики из пресного теста.

– Ой, Инночка, зайка, привет! Ты ко мне? – Она обрадовалась и отложила в сторону иллюстрированный журнал с крупным натуралистическим изображением уха, отягощенного монументальной серьгой с неприлично большим бриллиантом.

Украшение такого размера оттянуло бы маленькое ушко Томочки до плеча, уподобив его эллиптическому слуховому органу статуи с острова Пасхи или собаки породы бассет-хаунд. Вообще-то мне бассеты нравятся, у моего сердечного друга Дениса четвероногий друг как раз такой породы, пес Барклай, совершенно умильная душка. Но Томочку, в отличие от Барклаши, мочки, болтающиеся в районе грудной клетки, вряд ли украсят... Впрочем, я не стала огорчать этим нашу Дюймовочку.

– Присматриваешь новые сережки? – улыбнувшись, спросила я.

– Ах, солнышко, уж больно дорогие! – вздохнула Томочка, с сожалением посмотрев на картинку.

– А я тебе, зайка, зарплату принесла, – в тон и в тему сказала я. – Шеф наш сегодня раскошелился.

– С чего бы это?

– Куконин заплатил за рекламу, – объяснила я. – Кстати, он сейчас сюда примчится.

– Как он примчится? – не поняла Томочка.

– На крыльях любви, как Купидон, только не с небес, по нисходящей линии, а с земли, по восходящей: он как раз сейчас воспаряет по ступенькам, – несколько тяжеловесно объяснила я.

Поймала недоумевающий взгляд Дюймовочки, спохватилась, что затолкала в одно предложение слишком много слов, трудных для понимания простодушной воспитанницы мышей, кротов и лягушек, и постаралась объяснить попроще:

– Зайка, Юрий Павлович поднимается по лестнице. Он непременно хотел тебя навестить.

– Куконин? – повторила Томочка и почему-то снова посмотрела на фотографию гигантской бриллиантовой серьги.

Наверное, прикидывала, что влюбленный Юрий Павлович принесет ей в качестве больницы передатки. Мне неохота было присутствовать при том, как Томочка будет разводить поклонника на покупку витаминов и бриллиантов, поэтому я быстро сказала:

– Зайка, где тут у тебя банковские документы? Давай их мне, побегу дальше, я сегодня у шефа на посылках, как золотая рыбка.

– Золотая – это хорошо, – отстраненно пробормотала Томочка, явно думая о своем.

Впрочем, пластиковую папочку с документами она выдала мне без промедления. Я положила ее в сумку, водрузила на тумбочку сетку с апельсинами и сказала:

– Поправляйся, зайка, мы все тебе желаем скорейшего выздоровления и возвращения на работу!

Томочка выразительной гримаской дала понять, что куда-куда, а на работу ей не очень хочется, и потянулась к апельсину. Решив, что моя миссия выполнена, я удалилась и уже в коридоре встретила с запыхавшимся Юрием Павловичем. Он где-то успел разжиться букетом цветов, что меня здорово удивило: неужели на лестничной площадке поставили цветочный киоск? Однако находчивый парень этот Куконин!

Выйдя из больничного корпуса на улицу, я сообразила, что все-таки вынуждена буду воспользоваться услугами общественного транспорта, потому что Юрий Павлович вызвался подвезти меня только к Томочке, а мне ведь еще в банк надо.

К сожалению, общественный транспорт отнюдь не спешил меня катать. С полчаса я топталась на заваленной сугробами остановке. Из-за непогоды удивительно рано стемнело, что было очень неудобно. К тому же сугробы продолжали расти, потому что снова пошел снег. Он густыми хлопьями валил с низкого неба и вихрился в желтом конусе света одинокого фонаря, как хлопья в колбе с каким-то химическим раствором. Это было очень красивое зрелище, и пару минут я с удовольствием любовалась им, но на третьей минуте поймала себя на мысли, что предпочла бы наблюдать снежную феерию через окно, из хорошо отапливаемого помещения.

Некоторое время я стояла смиренно, пряча голову в плечи, а руки в рукава пальто и сосредоточенно дыша себе за пазуху. Потом я начала задорно перебирать ногами и притопывать, шумно хлопая себя по бокам и выдыхая морозный воздух с ухарским возгласом: «Йи-эх!» До полноты сходства с бойкой солисткой фольклорного ансамбля «Сударушка» мне не хватало расписной шали на плечах, ложкаря на заднем плане и бурого медведя на подтанцовке. Особенно огорчало отсутствие медведя с его теплой шубой!

Троллейбусы все до единого сгнули в снежной кутерьме – не иначе вымерли, как мамонты во время ледникового периода. Да и сама я была уже недалеко от полного вымирания, когда к моим деревенеющим ногам мягко подкатила роскошная иномарка, и бесценный Юрий Павлович Куконин голосом доброго ангела пригласил меня сесть в машину.

Я не просто села, я ворвалась в нее с гиканьем и посвистом, точно банда махновцев в мирную станицу! Благодарственно стуча зубами, бухнулась на сиденье, и оно затряслось подо мной, как вибромассажное кресло. В последнем усилии я обхватила себя за плечи, экономя силы, перестала издавать всякие звуки, закрыла глаза и сосредоточилась на процессе собственной разморозки. Господин Куконин, дай бог ему здоровья, понял мое состояние и не стал просить закрыть дверцу, сам вылез из машины, обошел ее и аккуратно загерметизировал салон с моей стороны.

Вопреки моему пожеланию, это доброе дело не прибавило милейшему Юрию Павловичу здоровья: пустившись в обратный путь, он поскользнулся, упал и в машину вернулся уже прихрамывая. Блаженная улыбка, которая образовалась на его ухоженной круглощечной физиономии после общения с милой Томочкой, трансформировалась в свое зеркальное отражение – унылую гримасу. Стеная и охая, господин Куконин принялся массировать левый голеностоп.

– Что с ногой? – встревожилась я.

Мне совсем не улыбалось вылезать из теплого салона. Да еще, не дай бог, тащить на себе охромевшего Куконина обратно в травматологию, как раз к Томочке под бочок!

– Сбылась мечта идиота! – тихо, чтобы он не услышал, прошептала я.

– Ничего страшного, похоже, просто сильный ушиб, на ногу ступать больно, – кривясь, отозвался мужественный Куконин.

– Как же вы теперь поведете машину? – забеспокоилась я.

Не прекращая стенать и охать, мученик сообщил, что это не проблема, так как автоматическая коробка передач свободно позволяет управлять такой машиной и одноному водителю. Проблему Юрий Павлович видел в другом.

– Мне Томочка поручение дала – зайти домой к одному человеку, отдать ему кое-что, – обеспокоенно поведал он. – Как теперь быть, даже не знаю? Ехать-то я могу, а вот ходить...

– А я знаю, что делать! – заявила я, обрадовавшись возможности решить одновременно с чужой проблемой и свою собственную – транспортную. – Смотрите, у каждого из нас есть поручение, которым мы не можем пренебречь. Ведь не можем?

Куконин отчаянно замотал головой, подтверждая, что чем-чем, а поручением своей любимой, дорогой и ненаглядной Томочки он пренебречь никак не может, ни-ни!

– Тогда давайте сложим наши обязанности и поделим их оптимальным образом, соответственно возможностям каждого, – предложила я. – Вы поработаете у меня водителем, свозите меня в банк, потом домой. А я за это побуду у вас на побегушках! Говорите, куда надо будет идти, кому и что отдавать.

– Нужно отдать вот этот паспорт его владельцу!

Обрадованный Юрий Павлович уцелевшей ногой придавил педаль газа, и мы отчалили от остановки, которую продолжающийся снегопад сделал похожей на приют дрейфующих полярников. По пути Куконин переадресовал мне задачу, поставленную перед ним Томочкой.

Оказывается, наша милая Дюймовочка не ограничилась тем, что сорвала ответственное задание Бронича и на ровном месте схлопотала себе сотрясение мозга. Она умудрилась нажать еще одну проблему – из самых лучших побуждений! Томочка рассказала Куконину, что в банке она все-таки была, даже дошла до кассы, но деньги получить не успела, потому что обнаружила в выдвижном лотке паспорт, забытый предыдущим клиентом. Как хорошая девочка, Томочка взяла этот документ и, бросив кассирше: «Я быстро, сейчас вернусь!», побежала вдогонку за рассеянным гражданином. Хотела вернуть ему паспорт, но не сделала этого, потому как на крыльце попала под лавину, упала, была поднята заботливым свидетелем и сразу же отвезена им в больницу. А чужой документ так и остался у Томочки. Вот она и попросила услужливого Юрия Павловича вернуть его владельцу по адресу, указанному в штампе о регистрации по месту жительства.

Влюбленный Куконин, конечно, не мог отказать своей милой фее в такой малости и с готовностью взялся за поручение, в выполнении которого собирался отчитаться завтра же. Как я поняла, Юрию Павловичу просто позарез нужен был подходящий предлог для нового визита к Томочке.

Я выслушала сбивчивый рассказ Куконина и сказала:

– Ну, давайте посмотрим, с кем мы имеем дело!

Изучение основного гражданского документа показало, что мы имеем дело с тридцатидвухлетним Полуянцем Ашотом Гамлетовичем, армянином, холостым, бездетным, военно-обязанным, имеющим заграничный паспорт и прописанным в нашем городе по адресу: улица Белоберезовая, дом десять, квартира шестьдесят пять. Номер квартиры говорил о том, что дом, в котором проживает гражданин Полуянц, многоэтажный. Значит, я с моими целыми и исправными ногами действительно здорово пригожусь охромевшему Юрию Павловичу.

Мой водитель проложил маршрут так, что сначала мы заехали в банк и только потом покатали на улицу с лирическим названием Белоберезовая.

Что сподвигло градоустроителей дать такое название кривому переулку, затейливо петляющему между хаотично разбросанными зданиями, я не поняла, потому что ни одной березы там не было, ни белой, ни какого-либо другого цвета. Из древесной растительности на местности присутствовали только высокие раскидистые каштаны, ветви которых действительно были белыми и опасно скрипели, отягощенные снегом.

Пригибаясь и ежеминутно ожидая, что меня вот-вот накроет лавиной, как бедняжку Томочку, я пробежала в ближайший подъезд протяженной, как Великая Китайская стена, пятиэтажки и потом проделала этот номер еще четыре раза. Шестидесят пятая квартира нашлась в пятом подъезде, на втором этаже.

На лестнице я никого не встретила, на площадке тоже было пусто, и ничто не мешало мне спокойно оглядеться. Ближние подступы к шестидесят пятой квартире выглядели вполне благопристойно: на пороге – египетский коврик с портретом фараона и этническими рисунками, бронированная дверь облицована благородным деревом, вместо ручки – массивное бронзовое кольцо-стучалка. Вряд ли Ашот Гамлетович был наследником принца Датского, но он тоже не бедствовал.

Электрического звонка на стене вблизи жилища гражданина Полуянца я не нашла, поэтому стукнула в дверь бронзовой баранкой. Против ожидания, варварского грохота не последовало, только приглушенный, вполне деликатный стук. Похоже, дверь была оснащена специальной системой звукоизоляции, акустику рассчитали так, чтобы стук был больше слышен внутри, чем снаружи. Определенно, соседям Ашота Гамлетовича было бы не на что пожаловаться, даже если бы гости шестидесят пятой квартиры ломались в нее с применением стенобитного орудия типа «сокол».

Осмелев, я брякнула посильнее, и дверь неожиданно подалась. Ах, Ашот Гамлетович, беспечный человек!

– Мой дом – моя крепость! – хмыкнула я и заглянула в квартиру.

Там было тепло и светло, в отдалении играла музыка, слышались оживленные женские голоса и смех. Ага, по паспорту Ашот Гамлетович не женат, но это не значит, что у него нет подруги или даже нескольких подруг! Ашоты Гамлетовичи – они такие!

Я вошла в прихожую и громко сказала:

– Добрый вечер, извините, пожалуйста, кто тут хозяева?

Хозяева не отозвались, а смех стал громче. Меня явно не услышали, так что я вынуждена была переместиться с плиточного пола прихожей на сияющий паркет гостиной.

– Ау, кто-нибудь?

Женский голос, перебиваемый многоголосым смехом, лился из динамиков домашнего кинотеатра, на экране ломала комедию популярная дама-юмористка – шла развлекательная передача «Аншлаг». В шестидесят пятой квартире зрителей у этого шоу не было, буквально – ни одной живой души. Зато на полу лежало мертвое тело.

– Ой! – испуганно пискнула я, вставая ногами в паркет.

На шикарном шерстяном ковре лежал, широко раскинув руки и ноги, горбоносый брюнет в черных брюках и белоснежной батистовой рубашке с оборванной верхней пуговкой. В образовавшемся вырезе курчавилась густая, как полярный мох, темная поросль. Экстерьер знойного брюнета был решен в основном в черно-белых тонах, исключение составляли только алый шелковый кушак и такого же цвета пятно на рубашке. О происхождении этого пятна не приходилось долго гадать, вопрос совершенно однозначно решал кинжал, торчащий из груди брюнета восклицательным знаком.

С трудом сглотив комок, самопроизвольно образовавшийся в горле, я посмотрела на паспорт, который держала в левой руке. Внутренний голос подсказывал, что имеет смысл немедленно сравнить фотографию, вклеенную в этот документ, с бледной физиономией разлегшегося на полу брюнета.

Внутренний голос оказался прав. Если верить основному документу, незавидную и бессловесную роль кинжальных ножен исполнял Ашот Гамлетович Полуянц собственной персоной. Тот факт, что у моих ног лежит такой импозантный мужчина, в данной ситуации несколько меня не радовал.

– Вот влипла, так влипла! – непослушными губами хрипло пробормотала я, посочувствовав сама себе.

Собственный голос показался незнакомым, и это напугало меня еще больше. Вдруг ужасно захотелось все бросить, дико завизжать и опрометью ринуться прочь из шестидесяти пятой квартиры, будь она неладна! Я уже напряжила колени, силясь оторвать ноги от пола, в который они вросли, как черенки садовой розы в благодатную почву клумбы, но тут мой внутренний голос четко и ясно сказал:

«Стой! Уйти надо так, чтобы не оставить следов!»

«Так мне что, сапоги снять?» – огрызнулась я и оглянулась.

Мокрые отпечатки моих рифленых подошв отчетливо виднелись на блестящем паркете.

«Оставь в покое сапоги! – сердито сказал внутренний. – У тебя в сумке должны быть влажные салфетки, достань их. Отступая к двери, будешь вытирать свои следы. Да! И паспорт убитого тоже протри».

Следуя наставлениям рассудительного внутреннего, я вытянула из кармана пальто кожаные перчатки, натянула их, а потом дрожащими руками достала из сумки пакетики с влажными салфетками. Пропитанной душистым лосьоном тряпочкой я тщательно протерла кожаную обложку чужого паспорта и ламинированную страничку с фотографией, истребляя на них свои отпечатки пальцев, а потом затолкала старательно продезинфицированный документ гражданина Полуянца в сумку.

«С ума сошла? – тут же шикнул на меня внутренний голос. – Не вздумай унести документ убитого с собой!»

«А куда его деть?» Я огляделась по сторонам.

Бегать по комнате, умножая число своих следов, не хотелось, но просто так бросать паспорт на пол тоже казалось неправильным. Это выглядело бы как-то неестественно, ведь документы нормальные люди обычно хранят в более укромных местах.

«Дура! Ты на Полуянца посмотри: по-твоему, он выглядит нормально и естественно?!» – рявкнул на меня внутренний голос.

Пришлось согласиться, что нормальности и естественности в позе Ашота Гамлетовича мало, а в причине его смерти и того меньше.

«Забрось паспорт на полку», – посоветовал внутренний.

В школьные годы я неплохо играла в баскетбол, и теперь этот опыт мне пригодился. Не сходя с места, я выудила твердую кожистую книжицу из сумки, прицелилась и точным броском по параболе отправила ее на верхнюю полку мебельной стенки. Там паспорт обо что-то стукнулся и с тихим шорохом провалился в щель между стеной комнаты и задней поверхностью платяного шкафа.

«Да, это вполне укромное местечко! Фиг кто найдет! – язвительно похвалил меня внутренний голос. – А теперь шевелись, уноси ноги!»

Я полезла в пакетик за новой салфеткой, и в этот момент случилось нечто неожиданное и пугающее. Моя левая щиколотка вдруг оказалась в плену тугого захвата!

– Что...

Я опустила глаза, и в этот момент меня рывком дернули за ногу. Подошва левого сапога со свистом шаркнула по паркету, правая нога подкосилась, и я с высоты своего роста опрокинулась на спину, крепко приложившись затылком о паркет. Ударилась я больно, так что искры из глаз посыпались, и сквозь этот праздничный фейерверк я близко-близко увидела желтые пальцы скрюченной руки трупа и не предусмотренное узором ковра обширное пятно крови.

«Только не отрубайся!» – испуганно взвизгнул мой внутренний голос.

«Не буду», – мысленно протянула я.

И, конечно, отрубилась!

Глава 2

Димон в панике выскочил из-под дивана, как цепной пес из конуры, да так и понесся к выходу на четвереньках, но уже в прихожей сообразил, что густо залапал начищенный паркет своими потными ладонями, и вернулся в комнату – уже на двух ногах.

Прямохождение не было для него таким затруднительным делом с благословенных времен младенчества. Стоило Димону взглянуть на два неподвижных тела, валетом раскинувшихся на мокром от крови ковре, как ноги его начали мелко вибрировать, колени стали пластилиновыми, и он не повис на дверном косяке, как оборванная занавеска, только потому, что твердо помнил: нельзя оставлять на месте преступления отпечатки.

– Я не виноват! – дрожащим голосом сказал Димон, бочком подбираясь к упаковке влажных салфеток, валяющейся на полу рядом с телом женщины, которую он, похоже, убил. – Я не хотел!

Его еще тянуло добавить: «Я больше не буду!» – но он не знал, чего, собственно, больше не будет. Дергать людей за ноги? Или резать их, как дикий горец? Так он этого мужика не резал! Тот так и лежал с кинжалом в груди, как пришпиленная коллекционная бабочка, когда Димон вошел в квартиру, намереваясь всего-навсего предложить хозяевам посмотреть новый каталог немецкой одежды «Гюнтер».

Он уже приготовился привычно расхваливать современный дизайн и традиционно высокое качество одежды из Германии, когда внезапно обнаружил, что находящемуся в комнате человеку из всех видов модной одежды и обуви имеет смысл предлагать только саван и белые тапки. Хотя на этот наряд имелся достаточно стабильный спрос во все времена, именно его в каталоге «Гюнтер» почему-то не было. «Однако это упущение!» – машинально подумал Димон, подсознательно постоянно занятый выявлением свободных рыночных ниш.

Вид мужика с кинжалом в подреберье поверг Димона в полный ступор. Он никогда прежде не переживал ничего подобного и ничуть не обрадовался новому впечатлению, но вынужден был прочувствовать его в полной мере. Просто потому, что испугался и растерялся настолько, что застыл, как ледяная фигура – мужской вариант неодоушевленной Снегурочки.

Димон не смотрел на часы и не знал, как долго он торчал посреди комнаты неподвижным столбом. Время вокруг него стало тягучим и плотным, точно капля смолы, и он застрял в ней, как муравей, однако в какой-то момент сквозь вязкую янтарную толщу проник приглушенный настойчивый звук: стук в дверь.

Смола вскипела и испарилась, и муравей забегал, как ошпаренный. Димон прекрасно помнил, что входная дверь была открыта, и он тоже ее не запер, только прикрыл за собой. Сообразив, что тот, кто стучится, может в любой момент беспрепятственно войти, Димон затравленно огляделся и в панике спрятался под диван.

Едва он скрылся за шерстяными лохмами дорогого пледа, косматого, точно отродясь не стриженный баран, как в квартиру вошла женщина. Димон слышал, как она из прихожей зовет хозяев и при этом неуклонно продвигается в комнату. Потом возле дивана прямо перед глазами Димона возникли ноги в заснеженных сапогах. Ноги замерли на одном месте и стояли в полной неподвижности так долго, что снег на сапогах успел растаять, а Димон в ожидании дальнейшего развития событий бесшумно и яростно сгрыз четыре ногтя и едва не сошел с ума. Возможно, он все-таки малость тронулся, потому что внезапно поддался совершенно неконтролируемому порыву и вынудил проклятые ноги изменить диспозицию, со всей силой дернув за ту из них, которая располагалась к нему поближе.

– Я это сделал в состоянии аффекта! – оправдываясь, сообщил он девице, которая лежала на полу, красивая и неподвижная, как Мертвая Царевна, и явно не слышала никаких объяснений.

Димон не знал, хватит ли одного состояния аффекта на два убийства, одно из которых вообще чужое, но вникать в юридические тонкости вопроса было некогда.

Димон снова опустился на корточки. Пятясь, чужими салфетками старательно протер паркет, задом толкнул входную дверь, вывалился на лестничную площадку, поднялся, захлопнул дверь, отполировал влажной тряпочкой бронзовое кольцо-стучалку и побежал вниз по лестнице, приговаривая:

– Ничего не видел! Ничего не слышал! Ничего не знаю! Не был, не имел, не привлекался!

И только в трех кварталах от дома, уже сидя на диване в собственной квартире и трясясь, как отбойный молоток, Димон вспомнил, что забыл на месте двойного убийства, совершенного вкладчину с неизвестным преступником, новый каталог одежды «Гюнтер».

Шум шагов убегающего Димона стих, и в подъезде снова стало тихо и пусто, но не надолго. Прошло несколько минут, и сквозь раскачиваемую ветром снежную пелену в подъезд прорвался невысокий плотный мужчина в дорогом котиковом пальто.

Окрас меха поразительно точно совпадал с цветом волос мужчины, благодаря чему казалось, будто на голове у него маленькая плотная шапочка с дыркой на макушке. Это светлое пятно, которое издали можно было принять за вентиляционное отверстие в головном уборе, на самом деле было банальной плешью. Леониду Максимовичу Хризопразову совсем недавно исполнилось пятьдесят, что оправдывало и некоторое поредение волосяного покрова, и живо-тик, очертаниями совпадающий с набрюшной сумкой для переноски младенца вместе с ее полугодовалым содержимым.

«Полтинник» оправдывал и позднюю пылкую страсть Леонида Максимовича: как известно, седина в голову, бес в ребро! Коварный бес ударил в область миокарда неделю тому назад, и целых шесть дней Хризопразов вел себя, как типичный влюбленный юноша. Он потел, краснел, бледнел, путал слова, прятал глаза и подбрасывал своему предмету обожания записки без подписи, цветочные букеты, коробки шоколадных конфет и уродливых плюшевых зверей. Это могло продолжаться бесконечно долго, но на седьмой день робкой осады предмет обожания Леонида Максимовича окончательно потерял терпение, а с ним заодно и девичью гордость, и решительно потребовал объяснений.

Хризопразов дал их примерно с той же охотой, с какой дают обвинительные показания в суде свидетели, выступающие против мафии. Леонид Максимович ничуть не удивился бы, если бы сразу по завершении своей признательной речи пал замертво, но действительность оказалась прекраснее его самой смелой мечты. Юная красавица весьма благосклонно выслушала своего пожилого поклонника и без долгих проволочек назначила тайное свидание.

– Вот ключи от моей квартиры, – деловито сказала красавица, вручая обожателю колючую связку. – Я буду на работе до шести, встречать меня не надо, пусть наши отношения пока остаются тайной для окружающих. Запишите адрес и приезжайте ко мне к шести часам, располагайтесь, почувствуйте себя как дома.

– Нет-нет, я дождусь вашего возвращения с работы и тогда приду, – попытался возразить старомодный Хризопразов.

Однако мудрая не по летам красавица возражений не приняла, сказав со знанием дела:

– Будет лучше, если вы придете пораньше и до моего появления как следует отдохнете в комфортных условиях.

Она тонко улыбнулась и добавила еще:

– Вам понадобятся силы.

Леонид Максимович все понял и сначала покраснел, как маков цвет, а потом побледнел, как поганка. Ключи от квартиры игривой прелестницы болтались на серебряном кольце с брелочком в виде ушастого белого кролика. Вид у грызуна, являющегося эмблемой мужского журнала «Плейбой», был лихой и задиристый. Хризопразов осознал, что ему предстоит непростой

экзамен на мужественность, и остаток дня потратил на то, чтобы привести себя в максимальную кроличью боеготовность.

Два часа, проведенные Леонидом Максимовичем в спа-салоне, сделали его моложе лет на десять. Правда, Хризопразов и десять лет назад не отличался особыми мужскими талантами, но этой беде обещал помочь знакомый врач-андролог. За немалую сумму долларов он с заговорщицким видом вытащил из ящика стола маленький пластмассовый пузырек и сказал:

– Принимать по одной таблетке.

– До того или после того? – краснея, уточнил Леонид Максимович.

– Вместо того! – знакомый и потому бесцеремонный доктор заржал жеребцом, но при виде вытянувшейся физиономии пациента подавил обидный смех и объяснил нормально:

– По одной таблетке за четверть часа до начала процесса.

С этого момента беспокойство Хризопразова по всем предыдущим вопросам сошло на нет. Теперь его по-настоящему волновало только одно: необходимость предугадать развитие событий с точностью, которая позволила бы безукоризненно выполнить врачебную рекомендацию.

– А если процесса вообще не будет? – испуганно спросил Леонид Максимович самого себя с большим запозданием – уже под дверью квартиры.

На этот глупый вопрос ему никто не ответил. Отступить было поздно, и Хризопразов, коротко выдохнув, решительно и даже эротично втолкнул ключ в замочную скважину.

Дверь открылась легко, Леонида Максимовича это приободрило, но затем он увидел свет и услышал голоса, отчего едва не повернул обратно. Еще через мгновение он узнал хриловатый голос и басовитый хохоток известной телеведущей и понял, что в квартире работает телевизор.

– Дорогая, вы уже дома? – робко позвал влюбленный.

Он прислушался, стараясь не обращать внимания на вульгарное гыгыканье жизнерадостной телевизионной дамы, и услышал, что в ванной ровно шумит вода.

– Дорогая! – с нежностью сказал Леонид Максимович и успокоился сразу по всем позициям.

Его дама поспешила вернуться домой пораньше и в ожидании гостя принимала водные процедуры, что, по мнению Хризопразова, выдавало женский голод красавицы и позволяло обоснованно надеяться: будет процесс, будет!

В предвкушении плотских радостей Леонид Максимович снял теплые ботинки и прошел в комнату, чтобы осмотреться на местности, где предстояло разворачиваться пресловутому процессу.

В первый момент он заметил только яркий экран огромного телевизора, полностью заполненный массивными прелестями телевизионной дамы, упакованной несообразно возрасту – в розовый шелк и кружева. Выглядело это примерно так же, как колбасная витрина в праздничном новогоднем убранстве. Наделенный от природы не бог весть каким художественным вкусом, Хризопразов не сразу оторвал взгляд от экрана, а когда оторвал, сразу же пожалел об этом.

Новая картина, открывшаяся его глазам, была просто ужасна!

– Боже, что же это? Кто же это? Как же это? – нервно зажужжал Леонид Максимович, в один миг утратив с таким трудом обретенное душевное спокойствие.

Мужчину и женщину, лежащих на ковре, как Ромео и Джульетта в финальном акте трагедии, он не знал и никогда раньше не видел. Девушка была хорошенькая, а наружность мужчины Хризопразов не оценивал. Его взгляд приковала к себе одна-единственная колоритная деталь: кинжал, вонзенный в левый карман рубашки Ромео по самую рукоять.

Рукоятка была фигурная, чеканного серебра, с чернью и янтарными вставками, образующими сияющие треугольные глаза дикой кошки. Лезвия кинжала Леонид Максимович по

понятным причинам видеть не мог, но он и без того знал, что на нем затейливым шрифтом, стилизованным под арабскую вязь, выгравированы безграмотные, но теплые слова: «Дарагому Лианиду от кунаков».

«Дарагим Лианидом» был не кто иной, как сам Хризопразов, о чем прекрасно знали его родные, друзья, коллеги по работе и те деловые партнеры, которых Леонид Максимович принимал у себя дома. Экскурсия в спальню, где на старинном восточном ковре ручной работы висел, грозно сверкая янтарными кошачьими очами, великолепный кинжал, подаренный хозяйину дома воинственными, но щедрыми кунаками с Кавказа, входила в обязательную программу посещения дома. Таким образом, не менее сотни свидетелей могло подтвердить, что горбоносый брюнет – типичный кавказский кунак! – зарезан неповторимым кинжалом Леонида Максимовича Хризопразова. А от этого факта было уже рукой подать и до обвинения в убийстве.

– Да какая же это с-сволочь... – начал было Леонид Максимович, но не договорил.

Коротко и шумно выдохнув, он крепко стиснул кулаки и бросился в ванную, рассчитывая застать там ту самую сволочь, умывающую руки после кровавого преступления – убийства, ответственность за которое с помощью раритетного кинжала коварно перекладывалась на плечи ни в чем не повинного «дарагого Лианида».

В санузле никого не было, только вода хлестала из крана в раковину, приводя этим в бешеный восторг водомерный счетчик. Хризопразов машинально закрыл кран, потом спохватился, сдернул с крючка полотенце и тщательно истребил на сантехническом устройстве свои отпечатки. Затем с полотенцем в руке вышел из ванной и безрадостно уставился на труп, нагло присвоивший себе его уникальный кинжал.

Оставлять на месте особо тяжкого преступления такую улику против себя, любимого, Леониду Максимовичу совсем не хотелось. Однако он чувствовал, что не найдет в себе сил выдернуть из мертвого тела окровавленный клинок, да и не стоило этого делать. Куда его потом девать, этот кинжал? Вернуть на законное место в ножнах, на ковре в спальне? Бр-р-р!

Хризопразов содрогнулся, представив, что в изголовье его кровати будет помещаться орудие убийства. Про крепкий сон тогда можно будет забыть навсегда! Кроме того, Леонид Максимович очень смутно представлял себе, как он понесет фигурный нож с двадцатипятисантиметровым обоюдоострым лезвием по городу. Не дай боже, его с такой зловещей игрушкой задержат! Тогда уж точно не оправдаться.

– Думай, Леня, думай! – прошептал он.

Незнакомый мертвый кунак с кинжалом в груди очень сильно отвлекал Хризопразова, мешая сосредоточиться на мысли о том, как бы ему половчее вывернуться из этой гадкой ситуации. Леонид Максимович с трудом отвел взгляд от гипнотизирующих его янтарно-желтых очей серебряного кинжального барса, и тут в поле его зрения попало бледное лицо женщины. Она тихо и спокойно лежала на ковре параллельно кунаку, только головой в противоположную сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.